ПОДВИГ У ДУБОСЕКОВА. С.Алексеев.

В середине ноября 1941 года фашисты возобновили своё наступление на Москву. Один из главных танковых ударов врага пришёлся по дивизии генерала Панфилова.

Разъезд Дубосеково. 118-й километр от Москвы. Поле. Холмы. Перелески. Чуть поодаль петляет Лама. Здесь на холме, на открытом поле, герои из дивизии генерала Панфилова преградили фашистам путь.

Их было 28. Возглавлял бойцов политрук (была в те годы такая должность) Клочков. Врылись солдаты в землю. Прильнули к краям окопов.

Рванулись танки, гудят моторами. Сосчитали солдаты:

— Батюшки, двадцать штук!

Усмехнулся Клочков:

— Двадцать танков. Так это, выходит, меньше, чем по одному на человека.

— Меньше, — сказал рядовой Емцов.

— Конечно, меньше, — сказал Петренко.

Поле. Холмы. Перелески. Чуть поодаль петляет Лама.

Вступили герои в бой.

— Ура! — разнеслось над окопами.

Это солдаты первый подбили танк.

Снова гремит «Ура!». Это второй споткнулся, фыркнул мотором, лязгнул бронёй и замер. И снова «Ура!». И снова. Четырнадцать танков из двадцати подбили герои. Отошли, отползли уцелевших шесть.

Рассмеялся сержант Петренко:

— Поперхнулся, видать, разбойник.

— Эка же, хвост поджал.

Передохнули солдаты. Видят — снова идёт лавина. Сосчитали — тридцать фашистских танков.

Посмотрел на солдат политрук Клочков. Замерли все. Притихли. Лишь слышен железа лязг. Ближе всё танки, ближе.

— Друзья, — произнёс Клочков, — велика Россия, а отступать некуда. Позади Москва.

— Понятно, товарищ политрук, — ответили солдаты.

— Москва!

Вступили солдаты в битву. Всё меньше и меньше в живых героев. Пали Емцов и Петренко. Погиб Бондаренко. Погиб Трофимов. Нарсунбай Есебулатов убит. Шопоков. Всё меньше и меньше солдат и гранат.

Вот ранен и сам Клочков. Поднялся навстречу танку. Бросил гранату. Взорван фашистский танк. Радость победы озарила лицо Клочкова. И в ту же секунду сразила героя пуля. Пал политрук Клочков.

Стойко сражались герои-панфиловцы. Доказали, что мужеству нет предела. Не пропустили они фашистов.

Разъезд Дубосеково. Поле. Холмы. Перелески. Где-то рядом петляет Лама. Разъезд Дубосеково — для каждого русского сердца дорогое, святое место.

ЭКЗАМЕН. С.Алексеев.

Не повезло лейтенанту Жулину.

Все друзья в боевых полках. Жулин служит в учебной роте.

Обучает лейтенант ополченцев. На защиту Москвы поднялись тысячи добровольцев. Создавались роты, полки и даже целые дивизии народного ополчения.

У ополченцев знаний военных мало. Где у винтовки курок, где боёк, зачастую путают.

Обучает Жулин ополченцев стрельбе по мишеням. Учит штыком по мешкам колоть.

Тяготится молодой офицер своим положением. Бои идут у самой Москвы. Охватывает враг советскую столицу огромным полукольцом. Рвётся с севера, рвётся с юга. Атакует в лоб. Дмитров, Клин, Истра в руках у фашистов. Бои идут всего в сорока километрах от Москвы, у посёлка Крюково.

Рвётся Жулин к друзьям на фронт. Подаёт рапорт начальству.

Подал раз — отказали.

Подал два — отказали.

Подал три — отказали.

— Ступайте к своим ополченцам, — отвечает ему начальство.

Кончилось тем, что пригрозило начальство Жулину, что приедет к нему с проверкой. Устроит и ему и бойцам экзамен.

И верно. Прошёл день или два. Глянул Жулин — приехало начальство. К тому же начальство высшее — сам генерал в машине.

В этот день проводил лейтенант с бойцами занятия в лесу, на лесной поляне, недалеко от посёлка Нахабино. Рыли солдаты окопы. По мишеням вели стрельбу.

Тишь, благодать кругом. Сосны стоят и ели.

Бросился Жулин генералу навстречу, руку поднёс к пилотке.

— Товарищ генерал, рота лейтенанта Жулина... — стал докладывать Жулин. Вдруг слышит самолётный гул прямо над головой. Поднял Жулин глаза — самолёт. Видит: не наш — фашистский.

Прекратил лейтенант доклад, повернулся к бойцам.

— К бою! — подал команду.

Между тем фашистский самолёт развернулся и открыл огонь по поляне. Хорошо, что бойцы отрыли окопы, укрылись они от пуль.

— Огонь по фашисту! — командует Жулин.

Открыли огонь ополченцы.

Секунда, вторая — и вдруг вспыхнул вражеский самолёт. Ещё секунда — выпрыгнул лётчик. Раскрылся парашют, приземлился у самого края поляны.

Побежали солдаты, взяли фашиста в плен.

Доволен Жулин. Поправил пилотку, гимнастёрку одёрнул. К генералу опять шагнул. Козырнул. Замер по стойке «смирно».

— Товарищ генерал, рота лейтенанта Жулина проводит учебные занятия.

Улыбнулся генерал, повернулся к ополченцам:

— Благодарю за службу, товарищи!

— Служим Советскому Союзу, — точно по уставу, дружно ответили ополченцы.

— Вольно, — сказал генерал. На Жулина одобряюще глянул.

Вместе с генералом приехали и два майора.

— Товарищ генерал, — шепчут майоры, — разрешите начать экзамен.

— Зачем же? — сказал генерал. — Считаю: экзамен принят.

Подошёл и крепко руку пожал лейтенанту Жулину. А потом и орден прислали Жулину. Жулину — орден. Солдатам — медали.

Важное дело — готовить войска к боям. Во многих местах: под Москвой, на Урале, в Сибири, в Средней Азии, на Дальнем Востоке — завершают войска обучение. Пройдёт немного времени, и новые силы встанут здесь, под Москвой, на пути у фашистов.

Шагает, шагает время. Не в пользу фашистов часы считают.

В ИМПЕРАТОРСКОЙ КАНЦЕЛЯРИИ. Сергей Алексеев.

В центре Берлина огромное мрачное здание. Целый квартал занимало здание. Это имперская канцелярия — ставка Адольфа Гитлера.
Сотни комнат находилось в имперской канцелярии, сотни окон, множество лестниц, коридоров, просторных залов. Но не здесь, не в этих комнатах, этих залах, а глубоко под ними, в мрачном и глухом подземелье, в 16 метрах от поверхности земли, вдали от света, от солнца находился фюрер фашистской Германии.
Много фашистов набилось сюда, в подземелье. Тут и ближайшие помощники Гитлера: Геринг, Геббельс, Гиммлер. Тут и личный адъютант генерал Бургдорф, и личные лётчики, и личные врачи, и личная охрана Гитлера, и личный шофёр, и личная повариха, и даже любимая собака фюрера — овчарка Блонди. Не одна — с четырьмя щенятами.
Охраняло убежище Гитлера 700 отборных солдат. Тройным кольцом часовых была опоясана имперская канцелярия.
Здесь, в подземелье у фюрера, идут бесчисленные заседания и совещания. Шепчется он с приближёнными, ищет путей, как продержаться дольше, как затянуть войну. На чудо надеется Гитлер: вдруг не хватит у русских сил, вдруг вообще случится что-то негаданное.
Тяжёлые вести приходят с фронтов. Гитлер приходит в бешенство. Страшен фюрер в такие минуты. Глаза вот-вот, кажется, вылезут из орбит, на руках надуваются вены. Бегает Гитлер по комнате. Пробежит, остановится. Пробежит, остановится. И кричит, и кричит, и кричит. Эти крики словно удар хлыста. Цепенеют от них приближённые. Вжимают шеи в тугие армейские воротники. Готовы, как снег, растаять.
Особенно грозен был Гитлер тогда, когда пришло сообщение, что советские войска прорвали фашистскую оборону у Зееловских высот на Нейсе и на Одере.
— Измена!.. — кричал Гитлер.
— Трусы! Тупицы!.. — клял своих генералов.

— Расстрелять виновных! — Через минуту: — Нет, повесить! — Ещё через минуту: — Нет, расстрелять, а затем повесить...
Иснова:
—Предатели!..
—Трусы!..
20 апреля 1945 года в подземелье отмечался день рождения фюрера. Нерадостен этот день — всё ближе и ближе подходят к Берлину русские. Сидит фюрер в кресле. Размяк, раскис. Опустил голову, не шевельнётся. Приходят приближённые, поздравляют Гитлера. Удаляются, словно тени. Крутятся возле Гитлера слуги и адъютанты. Чем отвлечь от недобрых дум, чем угодить — не знают.
Вдруг оттуда, сверху, послышались залпы. Один, второй, третий. Это советская артиллерия открыла огонь по Берлину. Все подняли головы вверх, застыли.
Встрепенулся Гитлер. Тоже голову поднял:
—Чтотам?
Не хватает ни у кого мужества сказать, в чём дело. Стоят, друг на друга искоса смотрят. А потом все вместе — на адъютанта Гитлера генерала Бургдорфа. Не растерялся Бургдорф, вышел вперёд:
—Салют, мой фюрер! В вашу честь, мой фюрер!
Оживился Гитлер. Встал. Подтянулся. Руку за борт пиджака закинул.
Снова небо взорвали залпы. Война подошла к Берлину.

МОНБЛАН И ВАВИЛОВ.
С.Алексеев.

Вместе с другими к левому, занятому фашистами берегу Невы бежал и солдат Вавилов. Недоволен Вавилов. Только прибыл, думал, немедленно в бой, а тут — учения.
— Какие ещё учения? — бурчит Вавилов. — Что я — школьник, курсант, студент? Воевать я с фашистами прибыл. Нет тут времени на учения.
Со странного начались их учения. Построили солдат. Вручили солдатам

вёдра. Выбрали рядом крутую гору. Поливайте водой, мол, гору. Полили солдаты гору. Схватил ледяной коркой её мороз. Стала скользкой гора, прескользкой. Хоть садись и катись с горы.
— Что мы, дети — кататься с горы? — бубнил Вавилов. — Что здесь, армия или детский сад?!
Развеселились солдаты и впрямь, как дети. Стали с горы на ногах, на боках съезжать.
— Отставить! — прошла команда.
Другая дана команда. Приказали солдатам по ледяному настилу на гору лазить.
Стали солдаты брать ледяную гору. Не даётся гора, упрямится. Взбегали солдаты на четверть, на треть горы, до половины добрался кто-то. Однако чтоб выше, чтоб дальше, чтобы до самого верха — нет таких ловких среди солдат. Съезжают солдаты назад под гору.
— Монблан, Казбек, — говорят солдаты. Монблан — это самая высокая вершина в Альпийских горах, Казбек — одна из вершин Кавказа.
Вавилов тоже на гору ринулся. Разбежался. На треть, даже чуть выше, влетел. Ещё шаг, ещё два. Но тут заскользил. Закачался. Рухнул. Скатился солдат с Монблана. Шишку себе набил. Поднялся, стоит ругается.
Ясно солдатам: не взять им гору.
— Отставить! — снова прошла команда.
Выдали после этого солдатам лестницы, верёвки, канаты, железные «кошки», крючки, багры.
Снова команда: вперёд на гору. Легче стало солдатам на гору теперь взбираться, помогают верёвки, крючки и «кошки».
Целый день штурмовали солдаты гору. Акробатами прямо стали. Кончилось тем, что взлетали солдаты волной на её вершину. Раз — и взята вершина.
В чём же дело? Зачем ледяная гора солдатам?
Левый берег реки Невы, который предстояло штурмовать нашим солдатам, был высоким, обрывистым. Решили фашисты сделать его и вовсе для наших войск неприступным. Облили они водой невские кручи. Образовались здесь ледяные горы.
Через эти горы и предстояло прорваться советским бойцам. Вот и создали наши командиры специальные отряды в помощь штурмующим. Вот и попал Вавилов в такой отряд.
Началось наше наступление. Протрубили атаку трубы. Устремились вперёд солдаты. Бегут по невскому льду, опережая других, и штурмовые отряды. Тащат солдаты лестницы, «кошки», багры, верёвки. Стреляют фашисты. Понимают, что в этих лестницах, этих баграх и «кошках» кроется смерть для них, для фашистов.
Так и есть. Добежали солдаты до ледяных обрывов. Заработали лестницы, «кошки», багры, верёвки. Преодолели солдаты скользкие горы. С криком «Ура!» ворвались в фашистские окопы.
Солдат Вавилов в числе первых влетел на кручи. Застыл над обрывом. Взглядом секундным на кручи глянул: «Вот ведь куда взмахнул!»

Вспомнил боец про Монблан, про учебную гору. И, уже устремляясь вперёд в атаку, что есть сил прокричал:
— Спасибо!

ДИВИЗИЯ. С.Алексеев.

Ещё с зимы 1941 года среди фашистских солдат ходил слух, что под Ленинград на Волховский фронт прибыла целая дивизия охотников-сибиряков.
— Они со ста метров белке в глаз попадают, — шептались фашистские солдаты.
Глаза велики от страха:
— Они в полёте сбивают муху.
Узнали наши бойцы про целую дивизию, про муху — немало смеялись.
— Есть дивизия, есть, — говорили бойцы. — Верно, сибирская. Верно, состоит из охотников.
Вот она, дивизия, — и показывали на солдата Егора Петрова.
Улыбался Петров: не про каждого скажешь, что он — дивизия.
Егор Петров действительно был из Сибири, действительно был охотником, действительно стрелок он на редкость меткий. Служил Егор Петров в 1100-м стрелковом полку 327-й стрелковой дивизии на Волховском фронте. Прибыл он из Якутии. Якут по национальности. Прошло немного времени, стал Егор Петров прославленным на весь Волховский фронт снайпером.
Не зря боялись фашисты Петрова, не зря считали, что под Ленинград целая дивизия сибирских охотников прибыла. Подбирался Петров к самым фашистским окопам. Ступал тихо — сова не услышит. Маскировался ловко — сокол и тот не увидит. И бил из винтовки, конечно, без промаха. Если попадался фашист на мушку, значит, фашисту крышка.
Более ста фашистов уничтожил своими меткими выстрелами снайпер Егор Петров.
Петров не один. Под Ленинградом много было прославленных снайперов. Грозой стрелки-мастера для фашистов стали. Боялись фашисты высунуть нос из окопов. Как суслики, врылись в землю.
Винтовка у Петрова особая — снайперская. Прицел оптический на винтовке. Чистил винтовку боец, лелеял. Словно живая она, ухаживал.
Наступил январь 1943 года. Вместе с другими частями и дивизия, в которой служил Петров, готовилась к наступлению. Встречают как-то солдаты Петрова. Смотрят: вместо снайперской винтовки пулемёт в руках у Петрова.
— Что такое? — спрашивают солдаты.
— Пулемёт, — отвечает Петров.
— Зачем пулемёт? Винтовка — твоя стихия!
— Нет. Не то время, — отвечает Петров солдатам. И уточняет: винтовка,

мол, есть винтовка. Сделал выстрел — фашист всего лишь один убит. Это хорошо, когда в обороне сидели. Теперь же другое дело. Один выстрел — не тот размах.
Пошёл Петров в наступление пулемётчиком. Но и здесь он остался снайпером.
В двух первых днях наступления уничтожил ещё около ста фашистов. Гордятся солдаты опять Петровым:
— Так и есть: считай, дивизия целая снова прибыла.
Смущался Петров, краснел: не про каждого скажешь, что он — дивизия.

«НА-А-ШИ!» С.Алексеев.

Наступает Ленинградский фронт. Наступает Волховский. Шесть дней вгрызались наши войска в оборону фашистов. Прогибается, рушится фашистская оборона.
Шёл седьмой день боёв южнее Ладожского озера.
Группа солдат-разведчиков одной из дивизий Ленинградского фронта вышла в разведку. В белых маскировочных халатах идут солдаты. Автоматы в руках. Под халатами на солдатских ремнях — гранаты.
Среди солдат один новенький — рядовой Точилин. Всё интересно молодому солдату. Впервые идёт в разведку. Идёт, об одном мечтает: вот бы схватить «языка».
— Схватим? — спрашивает новичок у бывалых.
Старший над группой сержант Муса Дзенгазиев. С тем же вопросом солдат к сержанту:
— Схватим, товарищ сержант?
— Схватим, схватим, — сказал Дзенгазиев. — Боем возьмём, коль надо.
Прошагали солдаты замёрзшим болотом. Ели пошли, осины. Сугробы слева, сугробы справа. Лесная идёт дорога. На две разошлась дорога.
Разбились разведчики: группа пошла направо, группа пошла налево. Точилин с группой как раз налево.
Прошли они метров триста, снова на две разошлась дорога. Разбились разведчики: двое пошли налево, двое пошли направо. Точилин и старшина Дзенгазиев свернули как раз направо. Идут между осин и елей. Рвётся вперёд Точилин. Идёт, об одном мечтает:
— Вот бы сейчас схватить «языка».
Улыбнулась судьба солдату.
Прошли они метров пятнадцать. Вдруг за елью мелькнуло что-то. Двинулось что-то. Не что-то, а кто-то. Человека увидел Точилин. Понимает боец: фашист.
— Хенде хох! — закричал Точилин.
— Хенде хох! — понеслось по лесу.

— Наши! На-а-ши! — слышит в ответ Точилин. Ожили сугробы слева, справа. Как в сказке выросли люди в белых халатах. В руках автоматы. Под халатами что-то топорщится. Понятно — висят гранаты. Любому ясно, что рядом — наши. А он...
— Хенде хох! — ещё громче кричит Точилин.
— Да тише ты, тише, — сказал Дзенгазиев. — Это же наши... Кто вы?
— Разведка. Кто вы?
— Разведка.
Оказалось, встретились две разведки. Разведка Ленинградского фронта и разведка Волховского фронта. Бросились разведчики друг к другу:
— Встретились! Встретились! Ура!
Стоит Точилин. Глазам не верит. Подхватили волховчане на руки Точилина. Подбрасывают вверх:
— Встретились! Встретились! Ура! Подлетает Точилин высоко-высоко, чуть ли не до самых еловых макушек.
— Вот тебе и «хенде хох»! — смеётся Дзенгазиев.
Был январь 1943 года. Советским войскам удалось на одном из участков фронта прорвать фашистскую блокаду города. Но это была не окончательная победа. Прошёл ещё целый год. И вот наступил новый январь. Январь 1944 года. Ударили наши армии с новой силой. Разбили врагов. Полностью освободили от фашистской блокады город-герой Ленинград.

http://1941-1945.at.ua/

ОГОРОДНИКИ. С.Алексеев

Было это незадолго до Курской битвы. В стрелковую часть прибыло пополнение.

Старшина обходил бойцов. Шагает вдоль строя. Рядом идёт ефрейтор. Держит карандаш и блокнот в руках.

Глянул старшина на первого из бойцов:

— Картошку сажать умеешь?

Боец смутился, пожал плечами.

Дальше шагнул старшина:

— Картошку сажать умеешь?

— Умею! — звонко сказал солдат.

— Два шага вперёд.

Вышел солдат из строя.

— Пиши в огородники, — сказал старшина ефрейтору.

Дальше идёт старшина:

— Картошку сажать умеешь?

— Умею.

— Умею.
— Не пробовал.
— Умею.
— Не приходилось, но если надо...
— Умею.
— Умею.
— Хватит, — сказал старшина.

Вышли вперёд бойцы. Оказался в строю умеющих и солдат Анатолий Скурко. Гадает солдат Скурко: куда это их, умеющих? «Картошку сажать — так по времени поздно. (Уже вовсю заиграло лето.) Если её копать, то по времени очень рано».

Гадает солдат Скурко. И другие бойцы гадают:

— Картошку сажать?
— Морковку сеять?
— Огурцы для штабной столовой?

Посмотрел на солдат старшина.

— Ну что же, — сказал старшина. — Отныне вам быть в минёрах, — и вручает солдатам мины.

Приметил лихой старшина, что тот, кто умеет сажать картофель, быстрей и надёжнее ставит мины.

Усмехнулся солдат Скурко. Не сдержали улыбок и другие солдаты.

Приступили к делам огородники. Конечно, не сразу, не в тот же миг. Ставить мины не такое простое дело. Специальную тренировку прошли солдаты.

На многие километры на север, на юг, на запад от Курска протянули минёры минные поля и заслоны. Только в первый день Курской битвы на этих полях и заслонах подорвалось более ста фашистских танков и самоходных орудий.

Идут минёры.

— Ну как, огородники?
— Полный во всём порядок.

НЕОБЫЧНАЯ ОПЕРАЦИЯ. С.Алексеев.

Поражался Мокапка Зяблов. Непонятное что- то творилось у них на станции. Жил мальчик с дедом и бабкой недалеко от города Суджи в небольшом рабочем посёлке при станции Локинской. Был сыном потомственного железнодорожника.

Любил Мокапка часами крутиться около станции. Особенно в эти дни. Один за одним приходят сюда эшелоны. Подвозят военную технику. Знает Мокапка, что побили фашистов наши войска под Курском. Гонят врагов на запад. Хоть и мал, да с умом Мокапка, видит — приходят сюда эшелоны. Понимает: значит, здесь, в этих местах, намечается дальнейшее наступление.

Идут эшелоны, пыхтят паровозы. Разгружают солдаты военный груз.

Крутился Мокапка как-то рядом с путями. Видит: новый пришёл эшелон. Танки стоят на платформах. Много. Принялся мальчик танки считать. Присмотрелся — а они деревянные. Как же на них воевать?!

Бросился мальчик к бабке.

— Деревянные, — шепчет, — танки.

— Неужто? — всплеснула руками бабка. Бросился к деду:

— Деревянные, деда, танки. Поднял старый глаза на внука. Помчался мальчишка к станции. Смотрит: снова идёт эшелон. Остановился состав. Глянул Мокапка — пушки стоят на платформах. Много. Не меньше, чем было танков.

Присмотрелся Мокапка — так ведь пушки тоже, никак, деревянные! Вместо стволов — кругляки торчат.

Бросился мальчик к бабке.

— Деревянные, — шепчет, — пушки.

— Неужто?.. — всплеснула руками бабка. Бросился к деду:

— Деревянные, деда, пушки.

— Что-то новое, — молвил дед.

Много непонятного творилось тогда на станции. Прибыли как-то ящики со снарядами. Горы выросли этих ящиков. Доволен Мокапка:

— Здорово всыпят фашистам наши!

И вдруг узнаёт: пустые на станции ящики. «Зачем же таких-то и целые горы?!» — гадает мальчик.

А вот и совсем непонятное. Приходят сюда войска. Много. Колонна спешит за колонной. Идут открыто, приходят засветло.

— Наши идут! Наши идут! — голосит Мокапка.

Лёгкий характер у мальчика. Сразу познакомился с солдатами. Дотемна всё крутился рядом. Утром снова бежит к солдатам. И тут узнаёт: покинули ночью эти места солдаты.

Стоит Мокапка, опять гадает.

Не знал Мокапка, что применили наши под Суджей военную хитрость.

Ведут фашисты с самолётов разведку за советскими войсками. Видят: приходят на станцию эшелоны, привозят танки, привозят пушки.

Замечают фашисты и горы ящиков со снарядами. Засекают, что движутся сюда войска. Много. За колонной идёт колонна. Видят фашисты, как подходят войска, а о том, что ночью незаметно отсюда они уходят, об этом враги не знают.

Ясно фашистам: вот где готовится новое русское наступление! Здесь, под городом Суджей. Стянули под Суджу они войска, на других участках силы свои ослабили. Только стянули — и тут удар! Однако не под Суджей. В другом месте ударили наши. Вновь победили они фашистов. А вскоре и вовсе разбили их в Курской битве.

Источник: http://www.idealdomik.ru/

БРЕСТСКАЯ КРЕПОСТЬ. С.Алексеев

Брестская крепость стоит на границе. Атаковали ее фашисты в первый же день войны.

Не смогли фашисты взять Брестскую крепость штурмом. Обошли ее слева, справа. Осталась она у врагов в тылу.

Наступают фашисты. Бои идут под Минском, под Ригой, под Львовом, под Луцком. А там, в тылу у фашистов, не сдается, сражается Брестская крепость.

Трудно героям. Плохо с боеприпасами, плохо с едой, особенно плохо с водой у защитников крепости.

Кругом вода – река Буг, река Муховец, рукава, протоки. Кругом вода, но в крепости нет воды. Под обстрелом вода. Глоток воды здесь дороже жизни.

– Воды!

– Воды!

– Воды! – несется над крепостью.

Нашелся смельчак, помчался к реке. Помчался и сразу рухнул. Сразили враги солдата. Прошло время, еще один отважный вперед рванулся. И он погиб. Третий сменил второго. Не стало в живых и третьего.

От этого места недалеко лежал пулеметчик. Строчил, строчил пулемет, и вдруг оборвалась очередь. Перегрелся в бою пулемет. И пулемету нужна вода.

Посмотрел пулеметчик – испарилась от жаркого боя вода, опустел пулеметный кожух. Глянул туда, где Буг, где протоки. Посмотрел налево, направо.

– Эх, была не была.

Пополз он к воде. Полз по-пластунски, змейкой к земле прижимался. Все ближе к воде он, ближе. Вот рядом совсем у берега. Схватил пулеметчик каску. Зачерпнул, словно ведром, воду. Снова змейкой назад ползет. Все ближе к своим, ближе. Вот рядом совсем. Подхватили его друзья.

– Водицу принес! Герой!

Смотрят солдаты на каску, на воду. От жажды в глазах мутится. Не знают они, что воду для пулемета принес пулеметчик. Ждут, а вдруг угостит их сейчас солдат – по глотку хотя бы.

Посмотрел на бойцов пулеметчик, на иссохшие губы, на жар в глазах.

– Подходи, – произнес пулеметчик.

Шагнули бойцы вперед, да вдруг…

– Братцы, ее бы не нам, а раненым, – раздался чей-то голос.

Остановились бойцы.

– Конечно, раненым!

– Верно, тащи в подвал!

Отрядили солдаты бойца в подвал. Принес он воду в подвал, где лежали раненые.
– Братцы, – сказал, – водица…
Повернулись на голос головы. Побежала по лицам радость. Взял боец кружку, осторожно налил на донышко, смотрит, кому бы дать. Видит, солдат в бинтах весь, в крови солдат.
– Получай, – протянул он солдату кружку.
Потянулся было солдат к воде. Взял уже кружку, да вдруг:
– Нет, не мне, – произнес солдат. – Не мне. Детям тащи, родимый.
– Детям! Детям! – послышались голоса.
Понес боец воду детям. А надо сказать, что в Брестской крепости вместе со взрослыми бойцами находились и женщины и дети – жены и дети военнослужащих.
Спустился солдат в подвал, где были дети.
– А ну, подходи, – обратился боец к ребятам. – Подходи, становись, – и, словно фокусник, из-за спины вынимает каску.
Смотрят ребята – в каске вода.
– Вода!
Бросились дети к воде, к солдату.
Взял боец кружку, осторожно налил на донышко. Смотрит, кому бы дать. Видит, рядом малыш с горошину.
– На, – протянул малышу.
Посмотрел малыш на бойца, на воду.
– Папке, – сказал малыш. – Он там, он стреляет.
– Да пей же, пей, – улыбнулся боец.
– Нет, – покачал головой мальчонка. – Папке. – Так и не выпил глотка воды.
И другие за ним отказались.
Вернулся боец к своим. Рассказал про детей, про раненых. Отдал он каску с водой пулеметчику.
Посмотрел пулеметчик на воду, затем на солдат, на бойцов, на друзей. Взял он каску, залил в металлический кожух воду. Ожил, заработал, застрочил пулемет.
Прикрыл пулеметчик бойцов огнем. Снова нашлись смельчаки. К Бугу, смерти навстречу, поползли. Вернулись с водой герои. Напоили детей и раненых.
Отважно сражались защитники Брестской крепости. Но становилось их все меньше и меньше. Бомбили их с неба. Из пушек стреляли прямой наводкой. Из огнеметов.
Ждут фашисты – вот-вот, и запросят пощады люди. Вот-вот, и появится белый флаг.

Ждали, ждали – не виден флаг. Пощады никто не просит.
Тридцать два дня не умолкали бои за крепость «Я умираю, но не сдаюсь. Прощай, Родина!» – написал на стене штыком один из последних ее защитников.
Это были слова прощанья. Но это была и клятва. Сдержали солдаты клятву. Не сдались они врагу.
Поклонилась за это страна героям. И ты на минуту замри, читатель. И ты низко поклонись героям.

ЛИЕПАЯ. С.Алексеев

Шагает война огнем. Пылает земля бедой. На огромном пространстве от Балтийского до Черного моря развернулась грандиозная битва с фашистами.
Наступали фашисты сразу в трех направлениях: на Москву, Ленинград и Киев. Распустили смертельный веер.
Город Лиепая – порт Латвийской Советской Республики. Сюда, на Лиепаю, был направлен один из фашистских ударов. Верят в легкий успех враги:
– В наших руках Лиепая!
Наступают фашисты с юга. Идут вдоль моря – прямой дорогой. Идут фашисты. Вот селение Руцава. Вот озеро Папес. Вот речка Барта. Все ближе и ближе город.
– В наших руках Лиепая!
Идут. Вдруг страшный огонь преградил дорогу. Остановились фашисты. Вступили фашисты в бой.
Бьются, бьются, никак не пробьются. Не могут прорваться к Лиепае враги с юга.
Изменили фашисты тогда направление. Обходят город теперь с востока. Обошли. Вот и город дымит вдали.
– В наших руках Лиепая!
Только пошли в атаку, как вновь шквалом огня ощетинилась Лиепая. На помощь солдатам пришли моряки. На помощь военным пришли рабочие. Взяли в руки они оружие. Вместе с бойцами в одном ряду.
Остановились фашисты. Вступили фашисты в бой.
Бьются, бьются, никак не пробьются. Не продвинутся фашисты и здесь, с востока.
Дальше пошли фашисты. Обошли Лиепаю с севера. Окружили город с трех сухопутных его сторон. От моря до моря в тисках Лиепая. Торжествуют фашисты:
– В наших руках Лиепая!

Однако и здесь, на севере, преградили дорогу фашистам отважные защитники Лиепаи. Бьется с врагом Лиепая.
Сутки проходят.
Бьется!
Вторые проходят.
Бьется!
Третьи. Четвертые на исходе.
Не сдается, держится Лиепая!
Лишь когда кончились снаряды, патронов нет – отошли защитники Лиепаи.
Вступили фашисты в город.
– В наших руках Лиепая!
Но не смирились советские люди. Ушли в подполье. Ушли в партизаны. На каждом шагу ожидает фашистов пуля. Целую дивизию держат фашисты в городе.
Борется Лиепая.
Долго поминали враги Лиепаю. Если в чем-то у них неудача – говорили:
– Лиепая!
Не забыли и мы Лиепаю. Если кто-то стойко стоял в бою, если кто-то сверхотважно с врагами дрался, и это отметить бойцы хотели, говорили:
– Лиепая!
Даже в рабство попав к фашистам, оставалась она в боевом строю – наша советская Лиепая.

КАПИТАН ГАСТЕЛЛО. С Алексеев.

Шел пятый день войны. Летчик капитан Николай Францевич Гастелло со своим экипажем вел самолет на боевое задание. Самолет был большой, двухмоторный. Бомбардировщик.
Вышел самолет к намеченной цели. Отбомбился. Выполнил боевую задачу. Развернулся. Стал уходить домой.
И вдруг сзади разрыв снаряда. Это фашисты открыли огонь по советскому летчику. Произошло самое страшное, снаряд пробил бензиновый бак. Загорелся бомбардировщик. Побежало по крыльям, по фюзеляжу пламя.
Капитан Гастелло попытался сбить огонь. Он резко накренил самолет на крыло. Заставил машину как бы падать набок. Называется такое положение самолета скольжением. Думал летчик, собьется, утихнет пламя. Однако продолжала гореть машина. Свалил Гастелло бомбардировщик на второе крыло. Не исчезает огонь. Горит самолет, высоту теряет.

В это время под самолетом внизу двигалась фашистская автоколонна: цистерны с горючим в колонне, автомашины. Подняли фашисты головы, следят за советским бомбардировщиком.
Видели фашисты, как попал в самолет снаряд, как вспыхнуло сразу пламя. Как стал бороться летчик с огнем, бросая машину из стороны в сторону.
Торжествуют фашисты.
– Меньше одним коммунистом стало!
Смеются фашисты. И вдруг…
Старался, старался капитан Гастелло сбить с самолета пламя. Бросал с крыла на крыло машину. Ясно – не сбить огонь. Бежит навстречу самолету со страшной быстротой земля. Глянул Гастелло на землю. Увидел внизу фашистов, автоколонну, цистерны с горючим, грузовики.
А это значит: прибудут цистерны к цели – будут заправлены бензином фашистские самолеты, будут заправлены танки и автомашины; ринутся на наши города и села фашистские самолеты, пойдут в атаку на наших бойцов фашистские танки, помчатся машины, повезут фашистских солдат и военные грузы.
Капитан Гастелло мог оставить горящий самолет и выброситься с парашютом.
Но не воспользовался парашютом капитан Гастелло. Сжал он потверже в руках штурвал. Нацелил бомбардировщик на фашистскую автоколонну.
Стоят фашисты, смотрят на советский самолет. Рады фашисты. Довольны, что их зенитчики наш самолет подбили. И вдруг понимают: прямо на них, на цистерны устремляется самолет.
Бросились фашисты в разные стороны. Да не все убежать успели. Врезался самолет в фашистскую автоколонну. Раздался страшный взрыв. Десятки фашистских машин с горючим взлетели в воздух.
Много славных подвигов совершили советские воины в годы Великой Отечественной войны – и летчики, и танкисты, и пехотинцы, и артиллеристы. Много незабываемых подвигов. Одним из первых в этом ряду бессмертных был подвиг капитана Гастелло.
Погиб капитан Гастелло. А память осталась. Вечная память. Вечная слава.

ДЕРЗОСТЬ. С. Алексеев.

Произошло это на Украине. Недалеко от города Луцка.
В этих местах, под Луцком, под Львовом, под Бродами, Дубно, разгорелись большие танковые бои с фашистами.

Ночь. Колонна фашистских танков меняла свои позиции. Идут одна за одной машины. Наполняют округу моторным гулом.

Командир одного из фашистских танков лейтенант Курт Видер отбросил башенный люк, вылез по пояс из танка, видом ночным любуется.

Летние звезды с неба спокойно смотрят. Справа узкой полоской тянется лес. Слева поле бежит в низинку. Метнулся серебряной лентой ручей. Дорога вильнула, взяла чуть в гору. Ночь. Идут одна за одной машины.

И вдруг. Не верит Видер своим глазам. Впереди перед танком раздался выстрел. Видит Видер: выстрелил танк тот, что шел впереди Видера. Но что такое? По своему же танку ударил танк! Вспыхнул подбитый, окутался пламенем.

Замелькали, понеслись мысли одна за одной у Видера:

– Случайность?!

– Оплошность?!

– Сдурели?!

– Спятили?!

Но в эту секунду и сзади выстрел. Затем третий, четвертый, пятый. Повернулся Видер. По танкам стреляют танки. Идущие сзади по тем, что идут впереди.

Опустился Видер быстрее в люк. Не знает, какую команду давать танкистам. Смотрит налево, смотрит направо, и верно: какую давать команду?

Пока раздумывал, снова раздался выстрел. Раздался рядом, и тут же вздрогнул танк, в котором был Видер. Вздрогнул, лязгнул и свечкой вспыхнул.

Выпрыгнул Видер на землю. Метнулся стрелой в канаву.

Что же случилось?

За день до этого в одном из боев советские солдаты отбили у фашистов пятнадцать танков. Тринадцать из них оказались совсем исправными.

Вот тут и решили наши использовать фашистские танки против самих же фашистов. Сели советские танкисты в неприятельские машины, вышли к дороге и подкараулили одну из фашистских танковых колонн. Когда колонна подошла, незаметно влились в нее танкисты. Потом потихоньку перестроились так, чтобы в спину за каждым фашистским танком шел танк с нашими танкистами.

Идет колонна. Спокойны фашисты. На всех танках кресты черные. Подошли к косогору. И вот тут – расстреляли наши колонну фашистских танков.

Поднялся Видер с земли на ноги. Глянул на танки. Догорают они как угли. Взгляд перевел на небо. Звезды с неба как иглы колют.

Вернулись наши к себе с победой, с трофеями.

– Ну как – порядок?

– Считай, что полный!
Стоят танкисты.
Улыбки светятся. В глазах отвага. На лицах дерзость.

КОЛЮЧЕЕ СЛОВО. С.Алексеев.

По белорусской земле идет война. Подымаются сзади огнем пожарища.
Шагают фашисты. И вот перед ними Березина – белорусских полей красавица.
Бежит Березина. То разольется широкой поймой, то вдруг до протоки сузится, пробьется сквозь топи, сквозь зыби, прожурчит вдоль бора, вдоль леса, вдоль поля, к избам добротным под ноги бросится, улыбнется мостам, городам и селам.
Вышли фашисты к Березине. Один из отрядов к селу Студянка. Прогромыхали бои у Студянки. Довольны фашисты. Еще новый рубеж захвачен.
У Студянки места холмистые. Горбом здесь и правый и левый берег. Березина здесь течет в низине. Поднялись фашисты на холм. Как на ладони лежит округа. Уходит полями и лесом к небу. Шагают фашисты.
– Песню! – командует офицер.
Запели солдаты песню.
Шагают фашисты, вдруг видят – памятник. На вершине холма, у дороги, стоит обелиск. Надпись внизу на памятнике.
Остановились фашисты, перестали горланить песню. На обелиск, на надпись смотрят. Не понимают они по-русски. Однако интересно, что же здесь написано. Обращаются один к другому:
– О чем там, Курт?
– О чем здесь, Карл?
Стоят Курты, Карлы, Фрицы, Францы, Адольфы, Гансы, на надпись смотрят.
И вот нашелся один, кто читал по-русски.
«Здесь, на этом месте…» – начал читать солдат. И далее о том, что здесь, на Березине, у села Студянка, в 1812 году русская армия под командованием фельдмаршала Михаила Илларионовича Кутузова окончательно разгромила полчища французского императора Наполеона I, мечтавшего завоевать нашу страну, и изгнала захватчиков из пределов России.
Да, это было именно в этом месте. Здесь, на Березине, у села Студянка.
Дочитал солдат до конца надпись на памятнике. Посмотрел на своих соседей. Присвистнул Курт. Присвистнул Карл. Усмехнулся Фриц. Улыбнулся Франц. Зашумели другие солдаты:

– Так когда это было!
– Не та сила у Наполеона тогда была!
Дальше пошли солдаты. Снова запели песню.
Только что такое? Песня теперь не песня. Все тише и тише песня.
– Громче, громче! – командует офицер.
Не получается что-то громче. Вот и вовсе замолкла песня.
Идут солдаты, вспоминают про 1812 год, про обелиск, про надпись на памятнике. Хоть и давно это, правда, было, хоть и сила у Наполеона не та была, да только как-то испортилось вдруг у фашистских солдат настроение. Идут, повторяют:
– Березина!
Колючим вдруг оказалось слово.

ИМЕНИЕ. С. Алексеев.

По Украине враги шагают. Рвутся вперед фашисты.
Хороша Украина. Воздух душист, как травы. Земли жирные, как масло. Щедрое солнце светит.
Пообещал Гитлер солдатам, что после войны, после победы, получат на Украине они имения.
Шагает солдат Ганс Муттерфатер, подбирает себе имение.
Приглянулось ему местечко. Речка журчит. Ракиты. Луг рядом с речкой. Аист.
– Хорошо. Благодать! Вот тут я, пожалуй, после войны останусь. Вот тут у речки построю дом.
Прикрыл он глаза. Вырос красавец дом. А рядом с домом конюшня, амбары, сараи, коровник, свинарник.
Расплылся в улыбке солдат Муттерфатер.
– Отлично! Прекрасно! Запомним место.
Дальше идут фашисты. Хороша Украина. Взгорки. Низинки. В низинках лежат пруды. Села на взгорках. Внизу мосточки. Машет крылом ветряк. Глянул Ганс Муттерфатер:
– Отличное место!
Залюбовался.
Вот тут я, пожалуй, после войны останусь. Вот тут, на взгорке, построю дом. Прикрыл он глаза. Вырос красавец дом. А рядом с домом другие службы: конюшня, амбары, сараи, коровник, свинарник.
Запомнил солдат местечко.

Дальше идут войска.
Вновь остановка.
Степью легли просторы. Нет им конца-края. Поле лежит, как бархат. Грачи по полю словно князья шагают.
Захвачен солдат безграничным простором. Смотрит на степи, на землю – душа играет.
– Вот тут я, вот тут навсегда останусь.
Прикрыл он глаза: колосится пшеницей поле. Рядом идут косцы. Это его колосится поле. Это на поле его косцы. А рядом пасутся коровы. Это его коровы. А рядом клюют индейки. Это его индейки. И свиньи его, и куры. И гуси его, и утки. И овцы его, и козы. А вот и красавец дом.
Твердо решил Муттерфатер. Тут он возьмет имение. Не надо другого места.
– Зер гут! – произнес фашист. – Навечно я здесь останусь.
Хороша Украина. Щедра Украина. Сбылось то, о чем так мечтал Муттерфатер. Остался навечно здесь Ганс Муттерфатер, когда открыли бой партизаны. И надо же – тут же, прямо в его имении.
Лежит Муттерфатер в своем имении. А рядом мимо дальше идут другие. Выбирают и эти себе имения. Кто на взгорке, а кто под горкой. Кто у леса, а кто у поля. Кто у пруда, а кто у речки.
Смотрят на них партизаны:
– Не толпитесь. Не торопитесь. Велика Украина. Щедра Украина. Места любому хватит.

ДВА ТАНКА. С. Алексеев.

В одном из сражений советский танк КВ (КВ – это марка танка) таранил фашистский. Разбит был фашистский танк. Пострадал, однако, и наш. От удара заглох мотор.
Наклонился водитель-механик Устинов к мотору, пытается запустить. Молчит мотор.
Остановился танк. Однако танкисты бой не прекратили. Открыли по фашистам огонь из пушки и пулеметов.
Стреляют танкисты, прислушиваются, не заработает ли мотор. Возится у мотора Устинов. Молчит мотор.
Долгим был бой, упорным. И вот кончились у нашего танка боеприпасы. Совсем беспомощным теперь оказался танк. Одиноко, молча стоит на поле.

Заинтересовались фашисты одиноко стоящим танком. Подошли. Посмотрели – внешне цела машина. Залезли на танк. Бьют коваными сапогами по крышке люка.
– Эй, рус!
– Выходи, рус!
Прислушались. Нет ответа.
– Эй, рус!
Нет ответа.
«Погибли танкисты», – подумали гитлеровцы. Решили они танк утянуть, как трофей. Подогнали к советскому танку свой танк. Достали трос. Прикрепили. Натянулся трос. Потянула махина махину.
«Плохи дела», – понимают наши танкисты. Наклонились к мотору, к Устинову:
– А ну, посмотри сюда.
– А ну, ковырни вот здесь.
– Куда же ушла искра?!
Пыхтит у мотора Устинов.
– Ах ты, упрямец!
– Ах ты, стальная твоя душа!
И вдруг фыркнул, заработал мотор у танка. Схватился Устинов за рычаги. Быстро включил сцепление. Дал посильнее газ. Задвигались у танка гусеницы. Уперся советский танк.
Видят фашисты, уперся советский танк. Поражаются: был недвижим – и ожил. Включили самую сильную мощность. Не могут сдвинуть с места советский танк. Ревут моторы. Тянут танки друг друга в разные стороны. Вгрызаются в грунт гусеницы. Летит из-под гусениц земля.
– Вася, нажми! – кричат танкисты Устинову. – Вася!
Нажал до предела Устинов. И вот пересилил советский танк. Потянул за собой фашиста. Поменялись фашисты и наши теперь ролями. Не наш, а фашистский танк оказался сейчас в трофеях.
Заметались фашисты, открыли люки. Стали прыгать из танка.
Притащили герои неприятельский танк к своим. Смотрят солдаты:
– Танк!
– Фашистский!
– Совсем целехонький!
Рассказали танкисты о прошедшем бое и о том, что случилось.
– Пересилили, значит, – смеются солдаты.
– Перетянули!
– Наш-то, выходит, в плечах сильнее.

– Сильнее, сильнее, – смеются солдаты. – Дай срок – то ли будет, братцы, фрицам.

Что тут скажешь?

– Перетянем?

– Перетянем!

Будут битвы. Быть победам. Только все это не сразу. Битвы эти впереди.

ПОЛНЫМ-ПОЛНО С. Алексеев

Сражение с фашистами шло на берегах Днепра. Вышли фашисты к Днепру. В числе других захватили и село Бучак. Разместились там фашисты. Много их – около тысячи. Установили минометную батарею. Берег высокий. Далеко фашистам с откоса видно. Бьет по нашим фашистская батарея.

Оборону на левом, противоположном берегу Днепра держал полк, которым командовал майор Музагик Хайретдинов. Решил Хайретдинов проучить фашистов и фашистскую батарею. Отдал приказ провести ночную атаку на правый берег.

Стали советские солдаты готовиться к переправе. Раздобыли у жителей лодки. Весла, шесты достали. Погрузились. Оттолкнулись от левого берега. Ушли в темноту солдаты.

Не ожидали фашисты атаки с левого берега. Село на круче от наших днепровской водой прикрыто. Спокойны фашисты. И вдруг обрушились огненным звездопадом советские бойцы на врагов. Смяли. Сжали. С кручи днепровской сбросили. Уничтожили и фашистских солдат, и фашистскую батарею.

Вернулись бойцы с победой на левый берег.

Утром к селу Бучак подходили новые фашистские силы. Сопровождал фашистов молодой лейтенант. Рассказывает лейтенант солдатам про Днепр, про днепровские кручи, про село Бучак.

– Там наших полным-полно!

Уточняет – мол, минометная батарея стоит на круче, виден с кручи весь левый берег, от русских фашисты днепровской водой, как стеной, прикрыты, а солдаты в Бучаке расположились, как у Христа за пазухой.

Подходят к селу фашисты. Что-то тихо кругом, беззвучно. Пусто кругом, безлюдно.

Удивляется лейтенант:

– Да было же наших полным-полно!

Вступили в село фашисты. Вышли к днепровской круче. Видят, на круче лежат убитые. Посмотрели налево, посмотрели направо – и верно, полным-полно.

Не только за село Бучак – во многих тогда местах на Днепре завязались упорные бои с фашистами. Сильный удар по фашистам нанесла здесь 21-я советская армия. Переправилась армия через Днепр, обрушилась на фашистов, освободили советские солдаты города Рогачев и Жлобин, направились на Бобруйск.

Всполошились фашисты:

– Рогачев потерян!

– Потерян Жлобин!

– Противник идет к Бобруйску!

Пришлось фашистам срочно отозвать свои войска с других участков. Погнали они под Бобруйск огромные силы. Едва удержали Бобруйск фашисты.

Удар 21-й армии был не единственным. И в других местах на Днепре крепко досталось тогда фашистам.

Источник: http://iknigi.net/

МЕШОК ОВСЯНКИ. А. Митяев

В ту осень шли долгие холодные дожди. Земля пропиталась водой, дороги раскисли. На просёлках, увязнув по самые оси в грязи, стояли военные грузовики. С подвозом продовольствия стало очень плохо. В солдатской кухне повар каждый день варил только суп из сухарей: в горячую воду сыпал сухарные крошки и заправлял солью.

В такие-то голодные дни солдат Лукашук нашёл мешок овсянки. Он не искал ничего, просто привалился плечом к стенке траншеи. Глыба сырого песка обвалилась, и все увидели в ямке край зелёного вещевого мешка.

Ну и находка! обрадовались солдаты. Будет пир горой Кашу сва-рим! Один побежал с ведром за водой, другие стали искать дрова, а третьи уже приготовили ложки.

Но когда удалось раздуть огонь и он уже бился в дно ведра, в траншею спрыгнул незнакомый солдат. Был он худой и рыжий. Брови над голубыми глазами тоже рыжие. Шинель выношенная, короткая. На ногах обмотки и растоптанные башмаки.

-Эй, братва! - крикнул он сиплым, простуженным голосом.- Давай мешок сюда! Не клали не берите.

Он всех просто огорошил своим появлением, и мешок ему отдали сразу. Да и как было не отдать? По фронтовому закону надо было отдать. Вещевые

мешки прятали в траншеях солдаты, когда шли в атаку. Чтобы легче было. Конечно, оставались мешки и без хозяина: или нельзя было вернуться за ними (это если атака удавалась и надо было гнать фашистов), или погибал солдат. Но раз хозяин пришёл, разговор короткий отдать.

Солдаты молча наблюдали, как рыжий уносил на плече драгоценный мешок. Только Лукашук не выдержал, съязвил:

-Вон он какой тощий! Это ему дополнительный паёк дали. Пусть лопает. Если не разорвётся, может, потолстеет.

Наступили холода. Выпал снег. Земля смёрзлась, стала твёрдой. Подвоз наладился. Повар варил в кухне на колёсах щи с мясом, гороховый суп с ветчиной. О рыжем солдате и его овсянке все забыли.

Готовилось большое наступление.

По скрытым лесным дорогам, по оврагам шли длинные вереницы пехотных батальонов. Тягачи по ночам тащили к передовой пушки, двигались танки.

Готовился к наступлению и Лукашук с товарищами. Было ещё темно, когда пушки открыли стрельбу. Посветлело в небе загудели самолёты. Они бросали бомбы на фашистские блиндажи, стреляли из пулемётов по вражеским траншеям.

Самолёты улетели. Тогда загромыхали танки. За ними бросились в атаку пехотинцы. Лукашук с товарищами тоже бежал и стрелял из автомата. Он кинул гранату в немецкую траншею, хотел кинуть ещё, но не успел: пуля попала ему в грудь. И он упал. Лукашук лежал в снегу и не чувствовал, что снег холодный. Прошло какое-то время, и он перестал слышать грохот боя. Потом свет перестал видеть ему казалось, что наступила тёмная тихая ночь.

Когда Лукашук пришёл в сознание, он увидел санитара. Санитар перевязал рану, положил Лукашука в лодочку такие фанерные саночки. Саночки заскользили, заколыхались по снегу. От этого тихого колыхания у Лукашука стала кружиться голова. А он не хотел, чтобы голова кружилась, он хотел вспомнить, где видел этого санитара, рыжего и худого, в выношенной шинели.

-Держись, браток! Не робей жить будешь!.. слышал он слова санитара.

Чудилось Лукашуку, что он давно знает этот голос. Но где и когда слышал его раньше, вспомнить уже не мог.

В сознание Лукашук снова пришёл, когда его перекладывали из лодочки на носилки, чтобы отнести в большую палатку под соснами: тут, в лесу, военный доктор вытаскивал у раненых пули и осколки.

Лёжа на носилках, Лукашук увидел саночки-лодку, на которых его везли до госпиталя. К саночкам ремёнными постромками были привязаны три собаки. Они лежали в снегу. На шерсти намёрзли сосульки. Морды обросли инеем, глаза у собак были полузакрыты.

К собакам подошёл санитар. В руках у него была каска, полная овсяной болтушки. От неё валил пар. Санитар воткнул каску в снег постудить собакам вредно горячее. Санитар был худой и рыжий. И тут Лукашук

вспомнил, где видел его. Это же он тогда спрыгнул в траншею и забрал у них мешок овсянки.

Лукашук одними губами улыбнулся санитару и, кашляя и задыхаясь, проговорил:

-А ты, рыжий, так и не потолстел. Один слопал мешок овсянки, а всё худой.

Санитар тоже улыбнулся и, погладив ближнюю собаку, ответил:

-Овсянку-то они съели. Зато довезли тебя в срок. А я тебя сразу узнал. Как увидел в снегу, так и узнал.

И добавил убеждённо: Жить будешь! Не робей!

Источник: http://raduga-class.ucoz.ru/

СОЛДАТСКАЯ КАША. Н,Богданов

Шёл штурм Берлина. Грозно грохотали советские орудия, от разрывов мин и снарядов содрогалась земля. Огромные каменные здания рушились и горели с треском, как соломенные.

Особенно жестокий бой шёл на подходах к рейхстагу и у канцелярии Гитлера.

С шипением, с пламенем взрывались фауст-патроны. Танки вспыхивали, как дымные костры. А в узком переулке, совсем рядом с грохотом и взрывами, — мирная картина. Бородатый русский солдат варит кашу. Привязал к решётке чугунной ограды пару верблюдов, запряжённых в походную кухню, задал им корма. А сам деловито собирает обломки мебели и подбрасывает в дверцу печки, поставленной на колёса.

Откроет крышку, помешает кашу, чтобы не пригорела, и снова подкинет дров. За его мирной работой наблюдает множество детских глаз из подвала полуобвалившегося дома напротив. В фашистской Германии русскими детей пугали. Детворе очень страшно, но любопытно. Преодолевая страх, немецкие ребятишки уставились во все глаза на первого русского солдата, появившегося в их переулке.

И хотя ружьё у него за плечами, а в руках вместо оружия большой половник, им жутковато. Страшат и его лохматые брови, и его внимательные хитроватые взгляды исподлобья. Словно он видит их и хочет сказать: «Вот я вас, постойте…»

Особенно страшат немецких детей его кони, чудовищные горбатые животные с облезлой шкурой. Они живут где-то там, в сибирских пустынях, и называют их верблюдами…

Такие в Тиргартене были только за решётками, и над ними — предупреждение: «Близко не подходить, опасно».

А русский похлопывает их по шершавым бокам, поглаживает страшные морды.

— Это Маша и Вася. Умные, от самой Волги с нами дошли…

Солдат достаёт кашу большим половником и пробует с довольной гримасой: «Ах как вкусна!»

Наверное, она действительно вкусна, эта солдатская каша. Запах её прекрасен. Так и щекочет ноздри, так и зовёт попробовать. Ах, если бы съесть хоть маленькую ложку… Так есть хочется, так оголодали дети, загнанные в подвалы! Который день не только без горячего супа — совсем без еды…

И когда солдат стал облизывать ложку, подмигивая детворе, самый храбрый не выдержал. Выскочил из подвала и застыл столбиком, испугавшись своей резвости.

— Ну, давай-ка, давай топай, зайчишка, — поманил его солдат. — Подставляй чашку-миску. Что, нету? Ну, давай в горстку положу.

И хотя никто не понял чужого говора, до всех дошёл ласковый смысл его слов. Из подвала мальчишке бросили миску.

С великим напряжением, вытянув тощие шеи, малыши наблюдали, как миска храбреца наполняется кашей. Как он возвращается, веря и не веря, что остался жив, и говорит удивлённо-счастливо:

— Она с мясом и с маслом!

И тут подвал словно прорвало. Сначала ручейком, а затем потоком хлынули дети, толкая друг друга, звеня мисками, кастрюльками.

— По очереди, по очереди, — улыбался солдат. Многие ребята просили добавки. Иные, получив добавку, бежали в подвал и возвращались с пустой миской.

— Что, свою муттер угостил? Ну бери, тащи, поделись с бабушкой.

И солдат ласково поддавал шлепка малышу. Вскоре у походной кухни появился старый немец. Он стал наводить порядок, не давая вне очереди получать по второй порции.

— Ничего, — усмехнулся солдат, — кто смел, тот два съел.

— У вас есть приказ кормить немецких детей, господин солдат? — спросил старый немец, медленно выговаривая слова. — Я был пленным в Сибири в ту войну, ещё при царе, — объяснил он своё знание русского языка.

— Сердце приказывает, — вздохнул солдат. — У меня дома тоже остались мал мала меньше…

Старый немец, потупившись, протянул свою миску, попробовал кашу и, буркнув «благодарю», сказал:

— А не совершаете ли вы воинского проступка, раздавая нашим детям солдатскую кашу? Разве у вас нет строгости дисциплины?

— Всё есть, любезный. Порядки воинские знаем, не беспокойтесь…

— Но как же…

Старый немец не договорил. Ударили фашистские шестиствольные миномёты, а их накрыли русские «катюши». Всё вокруг зашаталось. Переулок заволокло едким дымом.

Дети присели, сжались, но не убежали.

С площади донеслись крики, застучали пулемёты.

— Ну, пошли рейхстаг брать, — проговорил солдат. — Теперь уж недолго, возьмём Берлин — войне капут! А ну, детвора, подходи! Давайте, господин, вашу миску, добавлю! Не стесняйтесь, это за счёт тех, кто из боя не вернётся, — видя его нерешительность, сказал солдат.

Но эти слова словно обожгли старого немца. Отойдя за угол, он сел на развалинах, уронив на колени миску с недоеденной кашей. А дети ещё долго вились вокруг походной кухни. Они освоились даже с верблюдами. И не испугались, когда к кухне стали подходить русские солдаты. В окровавленных бинтах, в разорванных гимнастёрках. Закопчённые, грязные, страшные. Но немецкие дети уже не боялись их.

Уцелевшие после боя солдаты не хотели каши, а просили только пить. И произносили отрывисто непонятные слова:

«Иванов», «Петров», «Яшин»… Бородатый солдат повторял их хриплым голосом, каждый раз вздрагивая. И, добавляя немецким детям каши, говорил:

— Кушайте, сироты, кушайте…

И украдкой, словно стесняясь, всё смахивал что-то с ресниц. Словно в глаза ему попадали соринки и пепел, вздыбленные вихрем жестокого боя.

Немецкие дети ели кашу и, поглядывая на русского солдата, удивлялись: разве солдаты плачут?

Источник: http://peskarlib.ru/

ИВАН ТИГРОВ. Н.Богданов

На Москву фашисты ехали по шоссе. В деревню Вере-тейка даже не заглянули. Что в ней толку: в лесу стоит, а вокруг — болота. А вот когда от Москвы побежали — удирали просёлками. Наши танки и самолёты согнали их с хороших дорог — пришлось гитлеровцам пешком топать по лесам и болотам. И вот тут набрели они на Веретейку.

Заслышав о приближении врагов, все жители в лес убежали и всё имущество либо в землю зарыли, либо с собой унесли.

Ничего врагам не досталось, ни одного петуха. Словно вымерла деревня. А всё-таки два человека задержались: Ваня Куркин и его дедушка Севастьян.

Старый пошёл рыболовные сети прибрать да замешкался, а малый без деда не хотел уходить, да тут ещё вспомнил, что в погребе горшок сметаны остался, хотел одним духом слетать и тоже не успел. Высунул нос из погреба — смотрит, по домам уже немцы рыщут. И танки по улице гремят.

Дедушка свалился к нему с охапкой сетей в руках.

— Ванюша, затаись, тише сиди, а то пропали! — шумит глухой под носом у немцев.

В его глухоте был внучек виноват. Когда Ваня был поменьше, озорные парни его подговорили деду в ружьё песку насыпать. Так, мол, крепче выстрелит.

Дед пошёл по зайчишкам — ружьё не проверил, не заметил, что в стволе песок. Приложился по косому, выпалил, ружьё-то и разорвалось. С тех пор дед оглох — кричит, а ему кажется, что говорит тихо. Беда с ним!

Немцев мимо деревни прошли тысячи, но, видно, торопились: погреб не обнаружили. Когда движение утихло, Ваня осторожно выглянул и удивился.

Перед околицей в песчаных буграх немцы успели нарыть большие ямы. Спереди тщательно замаскировали их кустами и плетнём.

В одной яме поставили танк, громадный, почти с избу. Страшный. На боках чёрные пауки нарисованы — свастика.

Ваня понял, что это засада.

И как же хитро этот танк действовал! Когда вышли на дорогу наши танки, он их обстрелял. Стрельнёт — и тут же уползает из одной ямы в другую.

Наши стреляют туда, где заметили вспышку от выстрела, а танка там уже нет: он в другую яму уполз.

И страшно Ване, дух захватывает, сердце останавливается, когда снаряды рвутся, а любопытство пуще страха.

«Неужели, — думает он, — немцы хитрей наших, а?» И такая досада его берёт, зубы стискивает.

«Была бы у меня пушка, я бы вам показал, как в прятки играть!»

Ну какая же у него пушка! Горшок сметаны, завязанный в тряпку, — вот и всё оружие!

Да в тылу у него глухой дед прячется под сетями — тоже невелика сила. И хочется Ване своим помочь, а пособить нечем.

Неожиданно стрельба кончилась.

Наши танки отошли. Наверное, пошли обход искать. Или за подмогой. Ведь им могло показаться, что танков здесь много.

Фашисты вылезли из своего танка — потные, грязные, страшные.

Достают заржавленные консервные банки. Вскрывают ножами, едят, что-то ворчат про себя.

«Ишь ты, наверное, ругаются, что курятины у нас в деревне не нашли!» — подумал Ваня.

Посмотрел на горшок и усмехнулся: «И не знают, что рядом свеженькая сметанка…» И тут мелькнула у него такая мысль, что даже под сердцем похолодело:

«Эх, была не была… А ну-ка, попробую! Хоть они и хитры, а не хитрей нашего деда!»

И он выкатился из погреба, держа обеими руками заветный горшок.

Бесстрашно подошёл к немцам. Фашисты насторожились, двое вскочили и уставились на него в упор:

— Малшик партизан?

А Ваня улыбнулся, протягивая вперёд горшок.

— Я вам сметанки принёс. Во, непочатый горшок… Смотри-ка!

Немцы переглянулись.

Один подошёл. Заглянул в горшок. Что-то сказал своим. Потом достал раскладную ложку, зацепил сметану и сунул Ване в рот.

Ваня проглотил и замотал головой:

— Не, не отравлена. Сметана — гут морген! — и даже облизнулся.

Немцы одобрительно засмеялись. Забрали горшок и начали раскладывать по своим котелкам: всем поровну, начальнику больше всех. Мальчик не соврал: сметана хороша была.

А Ваня быстро освоился. Подошёл к танку, похлопал по пыльным бокам и похвалил:

— Гут ваша танка, гут машина… Как его зовут? «Тигра»?

Немцы довольны, что он их машину хвалит. Посмеиваются.

— Я, я, — говорят, — «тигер, кениг»…

А Ванюша заглядывает в дуло пушки. Танк стоит в яме, и его головастая пушка почти лежит на песчаном бугре. Так что нос в неё сунуть можно.

Покосившись на немцев, которые едят сметану, Ваня осторожно берёт горсть песку, засовывает руку в самую пасть орудия. Из неё жаром пышет: ещё не остыла после выстрелов.

Быстро разжал Ваня ладонь и отдёрнул руку. Гладит пушку, как будто любуется.

А сам думает: «Это тебе в нос табачку, чихать не про-чихать… Однако маловато. Ведь это не то что дедушкино ружьё — это большая пушка».

Ещё раз прошёлся вокруг танка. Ещё раз похвалил:

— Гут «тигр», гут машина…

И, видя, что немцы сметаной увлеклись и ничего не замечают, взял, да ещё одну горстку песку таким же манером в дуло пушки подсыпал.

И только успел это сделать, как грянул новый бой. На дорогу вышел грозный советский танк. Идёт прямо грудью вперёд. Ничего не боится. С ходу выстрелил и первым снарядом угодил в пустую яму, откуда вражеский «тигр» успел уползти.

Немцы бросились к своему танку. Забрались в него, запрятались и давай орудийную башню поворачивать, на наш танк пушку наводить…

Ваня нырнул в погреб. В щёлку выглядывает, а у самого сердце бьётся, словно выскочить хочет.

«Неужели фашисты подобьют наш танк? Неужели ихней пушке и песок нипочём?»

Вот немцы приладились, нацелились — да как выстрелят! Такой грохот и треск раздался, что Ваня на дно погреба упал.

Когда вылез обратно и выглянул — смотрит: стоит «тигр» на прежнем месте, а пушки у него нет. Полствола оторвало. Дым из него идёт. А фашистские танкисты открыли люк, выскакивают из него, бегут в разные стороны. Орут и руками за глаза хватаются.

«Вот так, с песочком! Вот так, с песочком! Здорово вас прочистило!»

Ваня выскочил и кричит:

— Дед, смотри, что получилось, «тигру» капут!

Дед вылез — глазам своим не верит: у танка пушка с завитушками… Отчего это у неё так ствол разодрало?

И тут в деревню, как буря, ворвался советский танк. У брошенного «тигра» остановился.

Выходят наши танкисты и оглядываются.

— Ага, — говорит один, — вот он, зверюга, готов, испёкся… Прямо в пушку ему попали.

— Странно… — говорит другой. — Вот туда мы стреляли, а вот сюда попали!

— Может, вы и не попали, — вмешался Ваня.

— Как так — не попали? А кто же ему пушку разворотил?

— А это он сам подбился-разбился.

— Ну да, сами танки не разбиваются: это ведь не игрушки.

— А если в пушку песку насыпать?

— Ну, от песка любую пушку разорвёт.

— Вот её и разорвало.

— Откуда же песок-то взялся?

— А это я немного насыпал, — признался Ваня.

— Он, он, — подтвердил дед, — озорник! Он и мне однажды в ружьё песку насыпал.

Расхохотались наши танкисты, подхватили Ванюшу и давай качать.

Мальчишке раз десять пришлось рассказывать всё сначала и подъехавшим артиллеристам, и подоспевшим пехотинцам, и жителям деревни, прибежавшим из лесу приветствовать своих освободителей.

Он так увлёкся, что и не заметил, как вместе со всеми вернулась из лесу его мать.

Она ему всегда строго-настрого наказывала, чтобы без спросу в погреб не лазил, молоком не распоряжался и сметану не трогал.

— Ах ты разбойник! — воскликнула мать, не разобравшись, в чём дело. — Ты чего в хозяйстве набедокурил? Сметану немцам стравил! Горшок разбил!

Хорошо, что за него танкисты заступились.

— Ладно, — говорят, — мамаша, не волнуйтесь. Сметану снова наживёте. Смотрите, какой он танк у немцев подбил! Тяжёлый, пушечный, системы «тигр».

Мать смягчилась, погладила по голове сына:

— Да чего уж там, озорник известный…

…Прошло с тех пор много времени. Война окончилась нашей победой. В деревню вернулись жители. Веретейка заново отстроилась и зажила мирной жизнью. И только немецкий «тигр» с разорванной пушкой долго ещё стоял у околицы, напоминая о вражеском нашествии.

И когда прохожие или проезжие спрашивали: «Кто же подбил этот немецкий танк?» — все деревенские ребятишки отвечали: «Иван Тигров из нашей деревни».

Оказывается, с тех пор так прозвали Ваню Куркина — Тигров, победитель «тигров».

Так появилась в деревне новая фамилия.

Источник: http://peskarlib.ru/

АРБУЗНЫЙ ПЕРЕУЛОК. В.Драгунский.

Я пришел со двора после футбола усталый и грязный как не знаю кто. Мне было весело, потому что мы выиграли у дома номер пять со счетом 44:37. В ванной, слава богу, никого не было. Я быстро сполоснул руки, побежал в комнату и сел за стол. Я сказал:

— Я, мама, сейчас быка съесть могу.

Она улыбнулась.

— Живого быка? — сказала она.

— Ага, — сказал я, — живого, с копытами и ноздрями!

Мама сейчас же вышла и через секунду вернулась с тарелкой в руках. Тарелка так славно дымилась, и я сразу догадался, что в ней рассольник. Мама поставила тарелку передо мной.

— Ешь! — сказала мама.

Но это была лапша. Молочная. Вся в пенках. Это почти то же самое, что манная каша. В каше обязательно комки, а в лапше обязательно пенки. Я просто умираю, как только вижу пенки, не то чтобы есть. Я сказал:

— Я не буду лапшу!

Мама сказала:

— Безо всяких разговоров!

— Там пенки!

Мама сказала:

— Ты меня вгонишь в гроб! Какие пенки? Ты на кого похож? Ты вылитый Кощей!

Я сказал:

— Лучше убей меня!

Но мама вся прямо покраснела и хлопнула ладонью по столу:

— Это ты меня убиваешь!

И тут вошел папа. Он посмотрел на нас и спросил:

— О чем тут диспут? О чем такой жаркий спор?

Мама сказала:

— Полюбуйся! Не хочет есть. Парню скоро одиннадцать лет, а он, как девочка, капризничает.

Мне скоро девять. Но мама всегда говорит, что мне скоро одиннадцать. Когда мне было восемь лет, она говорила, что мне скоро десять.

Папа сказал:

— А почему не хочет? Что, суп пригорел или пересолен?

Я сказал:

— Это лапша, а в ней пенки…

Папа покачал головой:

— Ах вот оно что! Его высокоблагородие фон барон Кутькин-Путькин не хочет есть молочную лапшу! Ему, наверно, надо подать марципаны на серебряном подносе!

Я засмеялся, потому что я люблю, когда папа шутит.

— Это что такое — марципаны?

— Я не знаю, — сказал папа, — наверно, что-нибудь сладенькое и пахнет одеколоном. Специально для фон барона Кутькина-Путькина!.. А ну давай ешь лапшу!

— Да ведь пенки же!

— Заелся ты, братец, вот что! — сказал папа и обернулся к маме. — Возьми у него лапшу, — сказал он, — а то мне просто противно! Кашу он не хочет, лапшу он не может!.. Капризы какие! Терпеть не могу!..

Он сел на стул и стал смотреть на меня. Лицо у него было такое, как будто я ему чужой. Он ничего не говорил, а только вот так смотрел — по-чужому. И я сразу перестал улыбаться — я понял, что шутки уже кончились. А папа долго так молчал, и мы все так молчали, а потом он сказал, и как будто не мне и не маме, а так кому-то, кто его друг:

— Нет, я, наверно, никогда не забуду эту ужасную осень, — сказал папа, — как невесело, неуютно тогда было в Москве… Война, фашисты рвутся к городу. Холодно, голодно, взрослые все ходят нахмуренные, радио слушают ежечасно… Ну, все понятно, не правда ли? Мне тогда лет одиннадцать-двенадцать было, и, главное, я тогда очень быстро рос, тянулся кверху, и мне все время ужасно есть хотелось. Мне совершенно не хватало еды. Я всегда просил хлеба у родителей, но у них не было лишнего, и они мне отдавали свой, а мне и этого не хватало. И я ложился спать голодный, и во сне я видел хлеб. Да что… У всех так было. История известная. Писано-переписано, читано-перечитано…

И вот однажды иду я по маленькому переулку, недалеко от нашего дома, и вдруг вижу — стоит здоровенный грузовик, доверху заваленный арбузами. Я даже не знаю, как они в Москву попали. Какие-то заблудшие арбузы. Наверно, их привезли, чтобы по карточкам выдавать. И наверху в машине стоит дядька, худой такой, небритый и беззубый, что ли, — рот у него очень втянулся. И вот он берет арбуз и кидает его своему товарищу, а тот — продавщице в белом, а та — еще кому-то четвертому… И у них это ловко так цепочкой получается: арбуз катится по конвейеру от машины до магазина. А если со стороны посмотреть — играют люди в зелено-полосатые мячики, и

это очень интересная игра. Я долго так стоял и на них смотрел, и дядька, который очень худой, тоже на меня смотрел и все улыбался мне своим беззубым ртом, славный человек. Но потом я устал стоять и уже хотел было идти домой, как вдруг кто-то в их цепочке ошибся, загляделся, что ли, или просто промахнулся, и пожалуйте — тррах!.. Тяжеленный арбузище вдруг упал на мостовую. Прямо рядом со мной. Он треснул как-то криво, вкось, и была видна белоснежная тонкая корка, а за нею такая багровая, красная мякоть с сахарными прожилками и косо поставленными косточками, как будто лукавые глазки арбуза смотрели на меня и улыбались из середки. И вот тут, когда я увидел эту чудесную мякоть и брызги арбузного сока и когда я почуял этот запах, такой свежий и сильный, только тут я понял, как мне хочется есть. Но я отвернулся и пошел домой. И не успел я отойти, вдруг слышу — зовут:

«Мальчик, мальчик!»

Я оглянулся, а ко мне бежит этот мой рабочий, который беззубый, и у него в руках разбитый арбуз. Он говорит:

«На-ка, милый, арбуз-то, тащи, дома поешь!»

И я не успел оглянуться, а он уже сунул мне арбуз и бежит на свое место, дальше разгружать. И я обнял арбуз и еле доволок его до дому, и позвал своего дружка Вальку, и мы с ним оба слопали этот громадный арбуз. Ах, что это была за вкуснота! Передать нельзя! Мы с Валькой отрезали большущие кусищи, во всю ширину арбуза, и когда кусали, то края арбузных ломтей задевали нас за уши, и уши у нас были мокрые, и с них капал розовый арбузный сок. И животы у нас с Валькой надулись и тоже стали похожи на арбузы. Если по такому животу щелкнуть пальцем, звон пойдет знаешь какой! Как от барабана. И об одном только мы жалели, что у нас нет хлеба, а то бы мы еще лучше наелись. Да…

Папа отвернулся и стал смотреть в окно.

— А потом еще хуже — завернула осень, — сказал он, — стало совсем холодно, с неба сыпал зимний, сухой и меленький снег, и его тут же сдувало сухим и острым ветром. И еды у нас стало совсем мало, и фашисты все шли и шли к Москве, и я все время был голодный. И теперь мне снился не только хлеб. Мне еще снились и арбузы. И однажды утром я увидел, что у меня совсем уже нет живота, он просто как будто прилип к позвоночнику, и я прямо уже ни о чем не мог думать, кроме еды. И я позвал Вальку и сказал ему:

«Пойдем, Валька, сходим в тот арбузный переулок, может быть, там опять арбузы разгружают, и, может быть, опять один упадет, и, может быть, нам его опять подарят».

И мы закутались с ним в какие-то бабушкины платки, потому что холодюга был страшный, и пошли в арбузный переулок. На улице был серый день, людей было мало, и в Москве тихо было, не то что сейчас. В арбузном переулке и вовсе никого не было, и мы стали против магазинных дверей и ждем, когда же придет грузовик с арбузами. И уже стало совсем темнеть, а он все не приезжал. Я сказал:

«Наверно, завтра приедет…»

«Да, — сказал Валька, — наверно, завтра».

И мы поили с ним домой. А назавтра снова пошли в переулок, и снова напрасно. И мы каждый день так ходили и ждали, но грузовик не приехал…

Папа замолчал. Он смотрел в окно, и глаза у него были такие, как будто он видит что-то такое, чего ни я, ни мама не видим. Мама подошла к нему, но папа сразу встал и вышел из комнаты. Мама пошла за ним. А я остался один. Я сидел и тоже смотрел в окно, куда смотрел папа, и мне показалось, что я прямо вот вижу папу и его товарища, как они дрогнут и ждут. Ветер по ним бьет, и снег тоже, а они дрогнут и ждут, и ждут, и ждут… И мне от этого просто жутко сделалось, и я прямо вцепился в свою тарелку и быстро, ложка за ложкой, выхлебал ее всю, и наклонил потом к себе, и выпил остатки, и хлебом обтер донышко, и ложку облизал.

Источник: http://vseskazki.su/

У КЛАССНОЙ ДОСКИ. Л. Кассиль

Про учительницу Ксению Андреевну Карташову говорили, что у нее руки поют. Движения у нее были мягкие, неторопливые, округлые, и, когда она объясняла урок в классе, ребята следили за каждым мановением руки учительницы, и рука пела, рука объясняла все, что оставалось непонятным в словах. Ксении Андреевне не приходилось повышать голос на учеников, ей не надо было прикрикивать. Зашумят в классе, она подымет свою легкую руку, поведет ею – и весь класс словно прислушивается, сразу становится тихо.

– Ух, она у нас и строгая же! – хвастались ребята. – Сразу все замечает…

Тридцать два года учительствовала в селе Ксения Андреевна. Сельские милиционеры отдавали ей честь на улице и, козыряя, говорили:

– Ксения Андреевна, ну как мой Ванька у вас по науке двигает? Вы его там покрепче.

– Ничего, ничего, двигается понемножку, – отвечала учительница, – хороший мальчуган. Ленится вот только иногда. Ну, это и с отцом бывало. Верно ведь?

Милиционер смущенно оправлял пояс: когда-то он сам сидел за партой и отвечал у доски Ксении Андреевне и тоже слышал про себя, что малый он неплохой, да только ленится иногда… И председатель колхоза был когда-то учеником Ксении Андреевны, и директор машинно-тракторной станции учился у нее. Много людей прошло за тридцать два года через класс Ксении Андреевны. Строгим, но справедливым человеком прослыла она.

Волосы у Ксении Андреевны давно побелели, но глаза не выцвели и были такие же синие и ясные, как в молодости. И всякий, кто встречал этот ровный и светлый взгляд, невольно веселел и начинал думать, что, честное слово, не такой уж он плохой человек и на свете жить безусловно стоит. Вот какие глаза были у Ксении Андреевны!

И походка у нее была тоже легкая и певучая. Девочки из старших классов старались перенять ее. Никто никогда не видел, чтобы учительница заторопилась, поспешила. А в то же время всякая работа быстро спорилась и тоже словно пела в ее умелых руках. Когда писала она на классной доске условия задачи или примеры из грамматики, мел не стучал, не скрипел, не крошился и ребятам казалось, что из мелка, как из тюбика, легко и вкусно выдавливается белая струйка, выписывая на черной глади доски буквы и цифры. «Не спеши! Не скачи, подумай сперва как следует!» – мягко говорила Ксения Андреевна, когда ученик начинал плутать в задаче или в предложении и, усердно надписывая и стирая написанное тряпкой, плавал в облачках мелового дыма.

Не заспешила Ксения Андреевна и в этот раз. Как только послышалась трескотня моторов, учительница строго оглядела небо и привычным голосом сказала ребятам, чтобы все шли к траншее, вырытой в школьном дворе. Школа стояла немножко в стороне от села, на пригорке. Окна классов выходили к обрыву над рекой. Ксения Андреевна жила при школе. Занятий не было. Фронт проходил совсем недалеко от села. Где-то рядом громыхали бои. Части Красной Армии отошли за реку и укрепились там. А колхозники собрали партизанский отряд и ушли в ближний лес за селом. Школьники носили им туда еду, рассказывали, где и когда были замечены немцы. Костя Рожков – лучший пловец школы – не раз доставлял на тот берег красноармейцам донесения от командира лесных партизан. Шура Капустина однажды сама перевязала раны двум пострадавшим в бою партизанам – этому искусству научила ее Ксения Андреевна. Даже Сеня Пичугин, известный тихоня, высмотрел как-то за селом немецкий патруль и, разведав, куда он идет, успел предупредить отряд.

Под вечер ребята собирались у школы и обо всем рассказывали учительнице. Так было и в этот раз, когда совсем близко заурчали моторы. Фашистские самолеты не раз уже налетали на село, бросали бомбы, рыскали над лесом в поисках партизан. Косте Рожкову однажды пришлось даже целый час лежать в болоте, спрятав голову под широкие листы кувшинок. А совсем рядом, подсеченный пулеметными очередями самолета, валился в воду камыш… И ребята уже привыкли к налетам.

Но теперь они ошиблись. Урчали не самолеты. Ребята еще не успели спрятаться в щель, как на школьный двор, перепрыгнув через невысокий палисад, забежали три запыленных немца. Автомобильные очки со створчатыми стеклами блестели на их шлемах. Это были разведчики-мотоциклисты. Они оставили свои машины в кустах. С трех разных сторон, но все разом они бросились к школьникам и нацелили на них свои автоматы.

– Стой! – закричал худой длиннорукий немец с короткими рыжими усиками, должно быть начальник. – Пионирен? – спросил он.
Ребята молчали, невольно отодвигаясь от дула пистолета, который немец по очереди совал им в лицо.
Но жесткие, холодные стволы двух других автоматов больно нажимали сзади в спины и шеи школьников.
– Шнеллер, шнеллер, бистро! – закричал фашист. Ксения Андреевна шагнула вперед прямо на немца и прикрыла собой ребят.
– Что вы хотите? – спросила учительница и строго посмотрела в глаза немцу. Ее синий и спокойный взгляд смутил невольно отступившего фашиста.
Кто такое ви? Отвечать сию минуту… Я кой-чем говорить по-русски.
– Я понимаю и по-немецки, – тихо отвечала учительница, – но говорить мне с вами не о чем. Это мои ученики, я учительница местной школы. Вы можете опустить ваш пистолет. Что вам угодно? Зачем вы пугаете детей?
– Не учить меня! – зашипел разведчик.
Двое других немцев тревожно оглядывались по сторонам. Один из них сказал что-то начальнику. Тот забеспокоился, посмотрел в сторону села и стал толкать дулом пистолета учительницу и ребят по направлению к школе.
– Ну, ну, поторапливайся, – приговаривал он, – мы спешим… – Он пригрозил пистолетом. – Два маленьких вопроса – и все будет в порядке.
Ребят вместе с Ксенией Андреевной втолкнули в класс. Один из фашистов остался сторожить на школьном крыльце. Другой немец и начальник загнали ребят за парты.
– Сейчас я вам буду давать небольшой экзамен, – сказал начальник. – Сидеть на место!
Но ребята стояли, сгрудившись в проходе, и смотрели, бледные, на учительницу.
– Садитесь, ребята, – своим негромким и обычным голосом сказала Ксения Андреевна, как будто начинался очередной урок.
Ребята осторожно расселись. Они сидели молча, не спуская глаз с учительницы. Они сели, по привычке, на свои места, как сидели обычно в классе: Сеня Пичугин и Шура Капустина впереди, а Костя Рожков сзади всех, на последней парте. И, очутившись на своих знакомых местах, ребята понемножку успокоились.
За окнами класса, на стеклах которых были наклеены защитные полоски, спокойно голубело небо, на подоконнике в банках и ящиках стояли цветы, выращенные ребятами. На стеклянном шкафу, как всегда, парил ястреб, набитый опилками. И стену класса украшали аккуратно наклеенные гербарии. Старший немец задел плечом один из наклеенных листов, и на пол посыпались с легким хрустом засушенные ромашки, хрупкие стебельки и веточки.
Это больно резнуло ребят по сердцу. Все было дико, все казалось противным привычно установившемуся в этих стенах порядку. И таким дорогим показался ребятам знакомый класс, парты, на крышках которых засохшие чернильные подтеки отливали, как крыло жука-бронзовика.

А когда один из фашистов подошел к столу, за которым обычно сидела Ксения Андреевна, и пнул его ногой, ребята почувствовали себя глубоко оскорбленными.
Начальник потребовал, чтобы ему дали стул. Никто из ребят не пошевелился.
– Ну! – прикрикнул фашист.
– Здесь слушаются только меня, – сказала Ксения Андреевна. – Пичугин, принеси, пожалуйста, стул из коридора.
Тихонький Сеня Пичугин неслышно соскользнул с парты и пошел за стулом. Он долго не возвращался.
– Пичугин, поскорее! – позвала Сеню учительница.
Тот явился через минуту, волоча тяжелый стул с сиденьем, обитым черной клеенкой. Не дожидаясь, пока он подойдет поближе, немец вырвал у него стул, поставил перед собой и сел. Шура Капустина подняла руку:
– Ксения Андреевна… можно выйти из класса?
– Сиди, Капустина, сиди. – И, понимающе взглянув на девочку, Ксения Андреевна еле слышно добавила: – Там же все равно часовой.
– Теперь каждый меня будет слушать! – сказал начальник.
И, коверкая слова, фашист стал говорить ребятам о том, что в лесу скрываются красные партизаны, и он это прекрасно знает, и ребята тоже это прекрасно знают. Немецкие разведчики не раз видели, как школьники бегали туда-сюда в лес. И теперь ребята должны сказать начальнику, где спрятались партизаны. Если ребята скажут, где сейчас партизаны, – натурально, все будет хорошо. Если ребята не скажут, – натурально, все будет очень плохо.
– Теперь я буду слушать каждый! – закончил свою речь немец.
Тут ребята поняли, чего от них хотят. Они сидели не шелохнувшись, только переглянуться успели и снова застыли на своих партах.
По лицу Шуры Капустиной медленно ползла слеза. Костя Рожков сидел, наклонившись вперед, положив крепкие локти на откинутую крышку парты. Короткие пальцы его рук были сплетены. Костя слегка покачивался, уставившись в парту. Со стороны казалось, что он пытается расцепить руки, а какая-то сила мешает ему сделать это.
Ребята сидели молча.
Начальник подозвал своего помощника и взял у него карту.
– Прикажите им, – сказал он по-немецки Ксении Андреевне, – чтобы они показали мне на карте или на плане это место. Ну, живо! Только смотрите у меня… – Он заговорил опять по-русски: – Я вам предупреждаю, что я понятен русскому языку и что вы будете сказать детей…
Он подошел к доске, взял мелок и быстро набросал план местности – реку, село, школу, лес… Чтобы было понятней, он даже трубу нарисовал на школьной крыше и нацарапал завитушки дыма.
– Может быть, вы все-таки подумаете и сами скажете мне все, что надо? – тихо спросил начальник по-немецки у учительницы, вплотную подойдя к ней. – Дети не поймут, говорите по-немецки.
– Я уже сказала вам, что никогда не была там и не знаю, где это.

Фашист, схватив своими длинными руками Ксению Андреевну за плечи, грубо потряс ее:
– Смотри, я буду пока очень добрый, но дальше…
Ксения Андреевна высвободилась, сделала шаг вперед, подошла к партам, оперлась обеими руками на переднюю и сказала:
– Ребята! Этот человек хочет, чтобы мы сказали ему, где находятся наши партизаны. Я не знаю, где они находятся. Я там никогда не была. И вы тоже не знаете. Правда?
– Не знаем, не знаем!… – зашумели ребята. – Кто их знает, где они! Ушли в лес – и все.
– Вы совсем скверные учащиеся, – попробовал пошутить немец, – не может отвечать на такой простой вопрос. Ай, ай…
Он с деланной веселостью оглядел класс, но не встретил ни одной улыбки. Ребята сидели строгие и настороженные. Тихо было в классе, только угрюмо сопел на первой парте Сеня Пичугин.
Немец подошел к нему:
– Ну, ты, как звать?… Ты тоже не знаешь? Не знаю, – тихо ответил Сеня.
– А это что такое, знаешь? – И немец ткнул дулом пистолета в опущенный подбородок Сени.
– Это знаю, – сказал Сеня. – Пистолет-автомат системы «вальтер»…
– А ты знаешь, сколько он может убивать таких скверных учащихся?
– Не знаю. Сами считайте… – буркнул Сеня.
– Кто такое! – закричал немец. – Ты сказал: сами считать! Очень прекрасно! Я буду сам считать до трех. И если никто мне не сказать, что я просил, я буду стрелять сперва вашу упрямую учительницу. А потом – всякий, кто не скажет. Я начинал считать! Раз!…
Он схватил Ксению Андреевну за руку и рванул ее к стене класса. Ни звука не произнесла Ксения Андреевна, но ребятам показалось, что ее мягкие певучие руки сами застонали. И класс загудел. Другой фашист тотчас направил на ребят свой пистолет.
– Дети, не надо, – тихо произнесла Ксения Андреевна и хотела по привычке поднять руку, но фашист ударил стволом пистолета по ее кисти, и рука бессильно упала.
– Алзо, итак, никто не знай из вас, где партизаны, – сказал немец. – Прекрасно, будем считать. «Раз» я уже говорил, теперь будет «два».
Фашист стал подымать пистолет, целя в голову учительнице. На передней парте забилась в рыданиях Шура Капустина.
– Молчи, Шура, молчи, – прошептала Ксения Андреевна, и губы ее почти не двигались. – Пусть все молчат, – медленно проговорила она, оглядывая класс, – кому страшно, пусть отвернется. Не надо смотреть, ребята. Прощайте! Учитесь хорошенько. И этот наш урок запомните…
– Я сейчас буду говорить «три»!– перебил ее фашист. И вдруг на задней парте поднялся Костя Рожков и поднял руку:
– Она правда не знает!
– А кто знай?

– Я знаю… – громко и отчетливо сказал Костя. – Я сам туда ходил и знаю. А она не была и не знает.
– Ну, показывай, – сказал начальник.
– Рожков, зачем ты говоришь неправду? – проговорила Ксения Андреевна.
– Я правду говорю, – упрямо и жестко сказал Костя и посмотрел в глаза учительнице.
– Костя… – начала Ксения Андреевна. Но Рожков перебил ее:
– Ксения Андреевна, я сам знаю…
Учительница стояла, отвернувшись от него, уронив свою белую голову на грудь. Костя вышел к доске, у которой он столько раз отвечал урок. Он взял мел. В нерешительности стоял он, перебирая пальцами белые крошащиеся кусочки. Фашист приблизился к доске и ждал. Костя поднял руку с мелком.
– Вот, глядите сюда, – зашептал он, – я покажу.
Немец подошел к нему и наклонился, чтобы лучше рассмотреть, что показывает мальчик. И вдруг Костя обеими руками изо всех сил ударил черную гладь доски. Так делают, когда, исписав одну сторону, доску собираются перевернуть на другую. Доска резко повернулась в своей раме, взвизгнула и с размаху ударила фашиста по лицу. Он отлетел в сторону, а Костя, прыгнув через раму, мигом скрылся за доской, как за щитом. Фашист, схватившись за разбитое в кровь лицо, без толку палил в доску, всаживая в нее пулю за пулей.
Напрасно… За классной доской было окно, выходившее к обрыву над рекой. Костя, не задумываясь, прыгнул в открытое окно, бросился с обрыва в реку и поплыл к другому берегу.
Второй фашист, оттолкнув Ксению Андреевну, подбежал к окну и стал стрелять по мальчику из пистолета. Начальник отпихнул его в сторону, вырвал у него пистолет и сам прицелился через окно. Ребята вскочили на парты. Они уже не думали про опасность, которая им самим угрожала. Их тревожил теперь только Костя. Им хотелось сейчас лишь одного – чтобы Костя добрался до того берега, чтобы немцы промахнулись.
В это время, заслышав пальбу на селе, из леса выскочили выслеживавшие мотоциклистов партизаны. Увидев их, немец, стороживший на крыльце, выпалил в воздух, прокричал что-то своим товарищам и кинулся в кусты, где были спрятаны мотоциклы. Но по кустам, прошивая листья, срезая ветви, хлестнула пулеметная очередь красноармейского дозора, что был на другом берегу…
Прошло не более пятнадцати минут, и в класс, куда снова ввалились взволнованные ребята, партизаны привели троих обезоруженных немцев. Командир партизанского отряда взял тяжелый стул, придвинул его к столу и хотел сесть, но Сеня Пичугин вдруг кинулся вперед и выхватил у него стул.
– Не надо, не надо! Я вам сейчас другой принесу.
И мигом притащил из коридора другой стул, а этот задвинул за доску. Командир партизанского отряда сел и вызвал к столу для допроса начальника фашистов. А двое других, помятые и притихшие, сели рядышком на парте

Сени Пичугина и Шуры Капустиной, старательно и робко размещая там свои ноги.
– Он чуть Ксению Андреевну не убил, – зашептала Шура Капустина командиру, показывая на фашистского разведчика.
– Не совсем точно так, – забормотал немец, – это правильно совсем не я…
– Он, он! – закричал тихонький Сеня Пичугин. – У него метка осталась… я… когда стул тащил, на клеенку чернила опрокинул нечаянно.
Командир перегнулся через стол, взглянул и усмехнулся: на серых штанах фашиста сзади темнело чернильное пятно…
В класс вошла Ксения Андреевна. Она ходила на берег узнать, благополучно ли доплыл Костя Рожков. Немцы, сидевшие за передней партой, с удивлением посмотрели на вскочившего командира.
– Встать! – закричал на них командир. – У нас в классе полагается вставать, когда учительница входит. Не тому вас, видно, учили!
И два фашиста послушно поднялись.
– Разрешите продолжать наше занятие, Ксения Андреевна? – спросил командир.
– Сидите, сидите, Широков.
– Нет уж, Ксения Андреевна, занимайте свое законное место, – возразил Широков, придвигая стул, – в этом помещении вы у нас хозяйка. И я тут, вон за той партой, уму-разуму набрался, и дочка моя тут у вас… Извините, Ксения Андреевна, что пришлось этих охальников в класс ваш допустить. Ну, раз уж так вышло, вот вы их сами и порасспрошайте толком. Подсобите нам: вы по-ихнему знаете…
И Ксения Андреевна заняла свое место за столом, у которого она выучила за тридцать два года много хороших людей. А сейчас перед столом Ксении Андреевны, рядом с классной доской, пробитой пулями, мялся длиннорукий рыжеусый верзила, нервно оправлял куртку, мычал что-то и прятал глаза от синего строгого взгляда старой учительницы.
– Стойте как следует, – сказала Ксения Андреевна, – что вы ерзаете? У меня ребята этак не держатся. Вот так… А теперь потрудитесь отвечать на мои вопросы.
И долговязый фашист, оробев, вытянулся перед учительницей.

Источник: http://modernlib.ru/